

Таким образом, уяснение негативных признаков при конструировании основных составов преступлений против интересов службы нередко представляется затруднительным. С целью точного изложения уголовно-правовых норм целесообразно использовать преимущественно позитивные признаки, составляющие основу квалификации преступлений.

УДК 343.71

Н.А. Карпова

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ВЫМОГАТЕЛЬСТВОМ

В ст. 163 УК РФ вымогательство определяется как требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Следует отметить, что высокий уровень общественной опасности такого преступного деяния, как вымогательство, предопределил, что основной задачей правоохранительных органов является защита прав и свобод человека и гражданина (в том числе права собственности), что достигается посредством применения многообразных уголовно-правовых средств.

Обобщение судебной практики по уголовным делам показывает, что на современном этапе развития уголовного законодательства повышенная общественная опасность вымогательства обусловлена различного рода обстоятельствами:

- совершением вымогательства в составе группы лиц по предварительному сговору и организованной группы;
- использованием особого способа в виде применения физического насилия, вызвавшего причинение вреда здоровью;
- сопряженностью вымогательства с иными преступлениями, в том числе с похищением человека;
- применением в ходе вымогательства оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Необходимо отметить, что вымогательство относится к корыстно-насильственным преступлениям против собственности.

В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 УК РФ)» (далее – постановление Пленума ВС РФ от 17 декабря 2015 г. № 56) закреплено, что «характер общественной опасности определяется направленностью посягательства на отношения собственности и иные имущественные отношения, а также на личность (здоровье, неприкосновенность, честь и достоинство, иные права и законные интересы)». При этом степень общественной опасности вымогательства определяется как способом его совершения, так и размером причиненного имущественного вреда.

Вопросы квалификации вымогательства в судебной практике вызывают наибольшие трудности. Так, к основным проблемам реализации положений ст. 163 УК РФ относятся:

- сложности в правовой оценке содержания угрозы, высказываемой при вымогательстве;
- трудности в установлении предмета вымогательства;
- вопросы отграничения вымогательства от смежных составов преступлений, прежде всего от хищений, самоуправства и принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения (в постановлении Пленума ВС РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 не в полной мере отражены данные вопросы);
- особенности квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм (ст. 163 со ст. 221, 226, 229 УК РФ);
- сложности в применении отдельных квалифицирующих признаков вымогательства (например, отсутствует точное толкование признака «с применением насилия», предусмотренного в п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ).

Заслуживает определенного внимания вопрос, относящийся к правовой природе вымогательства. Так, в доктрине уголовного права не существует единого признаваемого всеми учеными мнения.

Тем не менее особо следует отметить научные взгляды известного ученого Ю.И. Ляпунова, по справедливому и весьма точному мнению которого, «вымогательство не в полной мере охватывается родовыми признаками общего понятия хищения, поскольку момент незаконного реального завладения имуществом, если это вообще случится в будущем, существенно оторван во времени от момента совершения вымогателем самих преступных действий». Необходимо отметить, что спустя десятки лет данная научная позиция нашла свое отражение в ныне действующем постановлении Пленума ВС РФ от 17 декабря 2015 г. № 56, в котором определено: «При решении вопроса об отграничении грабежа и разбоя от вымогательства, соединенного с насилием, судам следует учитывать, что при грабеже и разбое насилие является средством завладения имуществом или его удержания, тогда как при вымогательстве оно подкрепляет угрозу. Завладение имуществом при грабеже и разбое происходит одновременно с совершением насильственных действий либо сразу после их совершения, а при вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем».

В науке уголовного права представлены и противоположные суждения, согласно которым вымогательство следует считать хищением чужого имущества (В.В. Векленко, Г.Н. Борзенков).

Однако, как показывает обобщение судебной практики, правоприменители не относят вымогательство к хищению чужого имущества. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении Верховного Суда РФ от 6 февраля 2003 г. № 10-002-35 установила, что действия виновных не могут расцениваться как вымогательство, поскольку они намеревались непосредственно, а не в будущем, через какое-то время, завладеть имуществом потерпевшего, что и было реализовано.

Немалые сложности возникают у судей при признании вымогательства продолжаемым преступлением. Так, по одному из уголовных дел суд правильно пришел к выводу о том, что все действия осужденной подлежат квалификации как единое продолжаемое преступление, предусмотренное п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ. В данном случае выдвигались объединенные единым умыслом на получение имущества в особо крупном размере неоднократные требования, обращенные к одному и тому

же потерпевшему, о передаче принадлежащего ему имущества под угрозой распространения сведений, позорящих его потерпевшего или его близких.

Анализ материалов судебной практики показывает, что наибольшее количество трудностей и ошибок возникает при ограничении вымогательства от принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения.

В уголовно-правовой литературе отмечается, что данные составы преступлений являются «почти идентичными и несовместимо смежными». В связи с чем, по мнению отдельных специалистов, ст. 179 подлежит исключению из УК РФ. Полагаем, что Верховному Суду РФ в соответствующем постановлении необходимо дать четкие критерии, позволяющие разграничить вымогательство и преступление, предусмотренное ст. 179 УК РФ.

Отметим, что принятое постановление Пленума ВС РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 стало важным шагом на пути усовершенствования правоприменительной практики по делам о вымогательстве. Однако не все важные практические вопросы по квалификации рассматриваемого преступления нашли в нем свое отражение. Таким образом, в целях правильного применения уголовного закона и совершенствования методики квалификации вымогательства уголовно-правовая норма, содержащаяся в ст. 163 УК РФ, требует глубокого осмысления и точного толкования.

УДК 343.85

В.А. Кашевский

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЯДЕРНОЙ И РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Создание ядерной энергетики не только порождает разработку уникальных технологий и развитие новых отраслей промышленности, но и приводит к возникновению целого ряда экологических, правовых, социальных и экономических проблем. Это связано с тем, что техногенные ядерные аварии и катастрофы, в значительной степени определявшие лицо XX и начала XXI в., наряду с антропогенной деятельностью поставили мировое сообщество на грань выживания.

Для Республики Беларусь данная проблема особенно ощутима, если учесть происшедшую 26 апреля 1986 г. техногенную катастрофу на Чернобыльской АЭС, повлекшую ужасающие последствия, а также имея в виду реалии, связанные со строительством на территории нашей страны атомной электростанции.

Оценивая и систематизируя нормы уголовного законодательства, а также других отраслей права, необходимо отметить, что они в своей совокупности создают достаточно весомый правовой заслон как сознательным, целенаправленным посягательствам на ядерную и радиационную безопасность, так и необдуманному, неосторожному поведению со стороны отдельных лиц. Кроме того, если в настоящее время большинство норм выполняют исключительно общепреventивную функцию, то с развитием атомной энергетики не исключены и случаи реального привлечения к уголовной ответственности за предусмотренные ими преступления.

Вместе с тем в настоящее время все-таки имеются некоторые возможности для усовершенствования норм действующего законодательства, приведения их в соответствие международно-правовым актам, общему национальному законодательству об атомной энергетике и реалиям настоящего времени.

Так, желательно разрешить коллизию между преступлениями, предусмотренными ст. 322 (незаконные приобретение, хранение, использование, сбыт либо разрушение радиоактивных материалов) УК, ст. 323 (хищение радиоактивных материалов) УК, а также правонарушением, предусмотренным ст. 16.3 (нарушение требований правового режима территории радиоактивного загрязнения) КоАП. Предмет данных правонарушений характеризуется способностью испускать ионизирующее излучение (содержать радиоактивные вещества) сверх уровней, установленных нормативными правовыми актами, что не позволяет проводить четкое разграничение между ними. В настоящее время незаконные действия в отношении любого вывезенного с территории, загрязненной радионуклидами, и содержащего радиоактивные вещества сверх обозначенных уровней, предмета могут быть квалифицированы как административное правонарушение, так и преступление.

Вполне обоснованной представляется необходимость включения в сферу уголовно-правового запрета посягательств, направленных на защиту объектов использования атомной энергии от доступа посторонних лиц. С одной стороны, это позволит защитить данные объекты от неквалифицированного (а значит – крайне опасного) вмешательства в их работу, а с другой – оградить их от целенаправленных злонамеренных посягательств, которые по различным причинам могут не подлежать квалификации как акты терроризма. В соответствии с данной позицией авторы предлагают ввести в уголовный закон норму об ответственности за незаконный доступ к ядерной установке или пункту хранения.

Обеспечение атомной и радиационной безопасности включает и такой императив, как своевременная информированность населения об угрозе радиоактивного заражения. Негативный опыт отсутствия норм в законодательстве об ответственности должностных лиц за неинформированность населения о радиационном загрязнении и непринятие мер, устраняющих опасность для жизни и здоровья людей, Беларусь испытала на себе в 1986 г., когда произошла катастрофа на Чернобыльской АЭС.

Коррективы в УК стали вносить только спустя два года после аварии, когда в него были введены статьи, предусматривающие ответственность за незаконные действия, связанные с радиоактивными материалами (ст. 211¹–211⁵). Аналогичные нормы были введены и в УК Российской Федерации (ст. 223²–223⁵).

Ответственность за сокрытие или искажение информации об опасности для жизни или здоровья людей была установлена в УК лишь в 1999 г. (ст. 268 «Сокрытие либо умышленное искажение сведений о загрязнении окружающей среды») и ст. 308 «Несообщение информации об опасности для жизни людей» (гл. 27 «Преступления против общественной безопасности»)).